

«...РОДИНЫ СВЕТЛЫЙ ПОКОЙ»

О малой родине Николая Рубцова – родине его предков Рубцовых-Рычковых впервые стало известно из заметки одного из первых биографов поэта Вячеслава Белкова, опубликованной в газете «Вологодский комсомолец» в 1990 году. А на поиски сведений о предках Николая Рубцова вологодского исследователя натолкнула запись в паспорте о месте рождения сестры поэта – Галины Михайловны: д. Самылково Биряковского района, 12 ноября 1928 г.

«...Николай Рубцов родился всё-таки не там, – пишет В. С. Белков, – где ему было уготовано природой. А мать-природа готовила это место долго и старательно. Она пестовала лес и поле, шлифовала холмы и горюшки, пустила между ними речку с чудесным названием Стрелица... По одну сторону речки – Спасская церковь, венчавшая и крестившая русских крестьян, предков поэта. По другую сторону – срослись на угоре две деревни, Самылково и Денисково. Почти каждый дом был – как крепость семейная – велик и красив. Неповторимые северо-русские скаты крыш, венцы...»¹.

Родина отца, Михаила Андриановича Рубцова, – деревня Самылково Биряковской волости Тотемского уезда Вологодской губернии. Туда была привезена в 1921 г. и будущая Колина мать – Александра Михайловна Рычкова, прихожанка Спасо-Преображенской Стрелицкой церкви в селе Спасском, родом из деревни Логиново, вышедшая замуж за сельского лавочника Михаила Андриановича Рубцова. Она родилась 30 марта/12 апреля в день преп. Иоанна Лествичника, крещена 2/15 апреля 1900 года. Отца Александры Михайловны звали Михаил Семёнович Рычков, а маму – Алек-

¹ Белков В. *Жизнь Рубцова*. – Вологда, 1993. – С. 33.

сандра Николаевна. Александра Рычкова училась в певческой школе при храме.

Михаил Андрианович родился 12 (25) сентября (в день преп. Вассиана Тиксненского, известного и наиболее почитаемого Вологодского святого) и был крещён 19 сентября (1 октября) 1899 г. протоиереем Феодосием Малевинским.

Эти данные нам сообщил, ссылаясь на материалы Государственного архива Вологодской области, учитель Биряковской школы — Николай Анатольевич Тимонин. Он же прислал в Московский музей Н. М. Рубцова книгу «Спас на Стрелице», из которой мы узнали о том, каким был священник Феодосий Малевинский и какой высокой духовной жизнью был напитан окормляемый им народ.

Феодосий Малевинский (1870–1938), выходец из сословия духовного звания, родился в селе Спасском, Биряковской волости, Тотемского уезда. Археограф-этнограф. Являлся истинным подвижником вологодского краеведения. Важной сферой его краеведческих интересов было исследование церковной старины и собирание фольклорно-этнографического материала. Протоиерей Феодосий Малевинский — автор книги «Стрелицкая Спасо-Преображенская церковь Тотемского уезда Вологодской губернии», Вологда, Типография губернского правления, 1903 г.

Основоположник династии священнослужителей Малевинских — его дед Иона, прослужил в Спасо-Преображенской церкви 50 лет (с 1826 по 1874 гг.). Отец Феодосия, священник Евгений, служил при Стрелицкой Спасской церкви около 30 лет.

По окончании Вологодской духовной семинарии с 5 ноября 1895 года о. Феодосий в сане священника начал свое служение с активной деятельности, направленной на повышение образовательного уровня прихожан (в его ведение входило 20 селений). По инициативе о. Феодосия и его стараниями были открыты 1 декабря 1896 года Михеевская школа грамоты и 26 февраля 1897 года церковно-приходская женская школа, в которых о. Феодосий был заведующим и законоучителем. Кроме того он преподавал в Алексеевском земском

училище (1905–1908 гг.) и в министерском училищах (с 1908 г.). Вняв «отеческому наставлению», прихожане выделили средства для открытия при школе библиотеки-читальни.

«С декабря 1909 года его назначают исполняющим обязанности благочинного по второму округу Тотемского уезда. Вверенный попечению священника церковно-административный округ состоял из четырнадцати приходов, окормлялся восемнадцатью иереями и в 1914 году насчитывал 47496 человек...

Много сил и старания у священника Феодосия Малевинского занимало поддержание в должном порядке большого личного хозяйства. Он увлеченно и с пользой для своего семейства, был отцом пятерых детей, занимался разведением голландской и тирольской пород скота, травосеянием. Не без гордости известный православный наставник отмечал, что его «хозяйство можно вполне поставить в образец не только причту, но и всем сельским хозяевам уезда»¹.

Священник Феодосий с удовлетворением отмечал в 1914 г., что «к благоукрашению храмов прихожане весьма усердны. Велика еще любовь простого русского человека к храму Божьему... В праздничные и воскресные дни они усердно посещают храм Божий, со вниманием и любовью слушают пастырские поучения, усердны к поминовению усопших, строго соблюдают святые посты, ежегодно в Великий пост почти все выполняют христианский долг исповеди и святого Причащения... ..Число говеющих в Великий пост достигает 4 тысяч человек...».

Переход власти и собственности на местах к уездным и волостным Советам, реализация декретов Советского правительства «О земле», «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и других постепенно привел к подрыву хозяйственной, юридической, социальной основы существования Русской Православной церкви.

В 1918 году первый раз арестовали настоятеля Спасо-Преображенской церкви о. Феодосия, однако из-за недо-

¹ Спас на Стрелице. — Вологда. Книжное наследие, 2003. — С. 25.

статочности улик через три месяца последовало его освобождение.

В середине 1920-х гг. православная община при Стрелицкой церкви, как написано в книге «Спас на Стрелице», была самой многочисленной в уезде. В списке действующих церквей по городу Тотьме и Тотемскому уезду на 24 ноября 1926 указано, что Спасо-Преображенская Стрелицкая церковь придерживалась тихоновского (патриаршего) направления.

В 1932 г. о. Феодосий вновь был арестован и приговорен к высылке в Коми край сроком на три года.

Следующим этапом наступления местных властей на церковь явилась широкомасштабная акция 1937 г. В это время о. Феодосия Малевинского арестовали в третий раз. В материалах следственного дела указано, что бывший священник нигде не работал, занимался пчеловодством и краеведением. Священника Феодосия Малевинского расстреляли 19 января 1938 г. — в день Великого христианского праздника Крещения (Богоявления) Господня.

В 1928 г. увеличили налоги на крестьян, а в местной газете «Красный север» от 17 января 1928 года появилось объявление: «Стрелицкое общество потребителей Биряковской волости Тотемского уезда ЛИКВИДИРОВАНО за слиянием с Биряковским обществом потребителей с передачей ему актива и пассива». Может, заодно закрыли магазин в Самылкове... И, как далее пишет В. Белков, Михаил Андрианович остался без работы»¹.

Летом 1929 г. из деревни Самылково Рубцовы переехали в Вологду и жили там до лета 1935 г. (возвратились в Вологду в январе 1941 г.) Известно, что мама будущего поэта пела на клиросе и в Спас-Стрелицкой церкви и в кафедральном соборе г. Вологды — храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

За 3 месяца до рождения Николая семья переехала в село Емецк Архангельской области (в то время Северный край, который потом стал называться Северная область).

¹ Белков В. *Жизнь Рубцова — Вологда, 1993. — С. 36.*

Писатель Валерий Петрович Аушев вспоминает, как в октябре 1970 г., во время поездки делегации секретариата правления Союза писательской организации РСФСР и вологодской писательской организации на Север, Николай Рубцов ему говорил: «Вот, думаю, Бог послал возможность с родной стороной свидеться, в Емецке побывать... От Холмогор до Емецка всего ничего, раз плюнуть, а мне — свидание, когда ещё такая возможность выпадет... Мне хотя бы ржавый гвоздь из домашней стены выдернуть, на которой родительский портрет висел... На горькую мою безутешную память...».

Современники поэта свидетельствуют о глубоком почтении Николая Рубцова к малой родине — и к Емецку, и к Никольскому, и к Бирякову, родине предков, — и присылают в Московский музей Н. М. Рубцова свои воспоминания, дополняя его духовную биографию ценными сведениями.

Так, 14 февраля 2010 года в музей пришло письмо от Дины Павловны Киселёвой, (родиной которой является Биряковский район, ныне Сокольский район Вологодской области), из которого мы узнали, что родилась Дина Павловна в 1945 году, живет в поселке Липин Бор, работает учителем истории более 50 лет, и 20 лет была завучем и директором школы.

«Уважаемая Майя Андреевна, то, что Вы собираете и бережёте память о Коле, это замечательно. И я решилась написать Вам, поскольку подумала, что не мог Коля быть тем, кем был, без любви к малой родине.

Местность у нас холмистая, все деревни на возвышениях, вид отовсюду замечательный — дух захватывает, и петть хочется.

У меня своё очень личное и особое отношение было к Коле. Едва ли мы дружили, а вот братья — да. Это и мой двоюродный брат Зуев Юрий Павлович, 1938 г.р., и двоюродный брат Чертовиков Александр Александрович, 1948 г.р., а также родные братья — Быков Герман Павлович, 1936 г.р., Быков Анастас Павлович, 1937 г.р. Самым лучшим другом Коли Рубцова был, конечно, наш зять и земляк Бурмагин Николай Васильевич. Бываю у него на могиле, она рядом с Колиной...»

Во втором письме Дина Павловна прислала свои воспоминания о встречах с Николаем Рубцовым на родине его предков.

«Село Биряково в советское время было районным центром Вологодской области, раскинулось по обеим сторонам старинного тракта из Вологды в Тотьму. Вокруг него много деревень, в том числе село Спасское с храмами Рождества Богородицы (летний) и Преображения Господня (зимний). Напротив зимней церкви стоял дом моей бабушки, Марии Алексеевны Кондаковой. За домами протекала река Стрелица, а за ней на другом берегу, была деревня Самылково, в которой стоял дом отца Николая Рубцова. Молодёжи тогда в селах и деревнях было много. Жили они тогда весело, интересно, а главное, деятельно. Собирались в селе Спасском. Играли в волейбол, лапту, в игру «партия на партию» (прятали «клад», а другие его искали). Недалеко от Самылково было футбольное поле. В футбол играли самозабвенно. В каждой деревне были команды. В деревне Зуево был «круг», вытоптаный до земли. По вечерам собиралась молодёжь. Пели частушки, плясали.

Деревня Кульсеево — родина моего отца — Быкова Павла Александровича, и двух братьев, которые хорошо знали Колю Рубцова: Анастаса (он сейчас жив) и Германа (которого уже нет в живых). Здесь же прожила свою жизнь моя строгая, но любимая тетка Быкова (Чертовикова) Надежда Александровна. У нее было трое сыновей: Володя, Саша, Валерий, которые были мне почти ровесники. Туда же приезжал из Вологды сын другой моей тети — Зуевой (Быковой) Зои Александровны, — Юра. Он дружил с Колей Рубцовым. Они понимали друг друга, много времени проводили вместе, разговаривали. Юра был человеком общительным, веселым, добрым и в то же время бесшабашным. Но его не ругали. Мать его очень любила. В деревне он был гостем. Именно Юра привез свой велосипед из Вологды в Кульсеево, и все мальчишки окрестных деревень учились на нем ездить. Летом любили жечь костры на горе — высокий холм, где располагалась деревня Кульсеево.

Ох, до чего хороши и красивы эти места, до сих пор!!! Внизу под горой речка течет, а за ней другая гора — Ссыпная (она до сих пор осыпается). На этой горе собиралось много молодёжи вечером у костра. Там общались, пили красное вино, планировали набеги на огороды. В праздники и в воскресенье мои братья: Герман, Стасик, Юра и Володя и другие, а с ними и Коля Рубцов ходили за 18 км на р. Сухону на пристань «Голуби». Там на пароходе покупали пиво (это была большая роскошь). Выпивали его на берегу. Шли обратно. Потом территория с. Биряково отошла Междуреченскому району, с. Шуйское стало нашим районным центром. Такие походы и поездки стали чаще. Коля Рубцов ездил из Тотьмы на пароходе до Вологды, а выходил и в Голубях, и в Шуйском.

Я поняла, что Коля стал бывать в Бирякове уже после окончания школы, когда стал самостоятельным. Как бы он ни ехал из Тотьмы в Вологду, ему было не миновать мест, где родились и выросли его родители, где у него были друзья, где ему было интересно, где его привечали.

На главной улице Бирякова стоит и сейчас двухэтажный дом Борисовских. Первый этаж был разделен на две половины: складскую и жилую с двумя окнами. В нижней горнице жили только летом. Чаще всего она пустовала, вот в ней и жил гость, Коля Рубцов. Его друзьями были два брата (одного уже нет в живых, о другом не знаю) Александр и Василий. Коля был человеком неизбалованным, неприхотливым, часто просто неухоженным. Всегда был рад дружбе и участию. Мне он казался молчаливым, несколько угрюмым, но всегда спокойным. Какие бури бушевали в его груди — никто не знал. Читал ли он свои стихи ребятам, не знаю, но отношение к нему было особенным. Принимали душевно, знали, что он сирота, старались покормить, согреть, приголубить его. Летом я гостила у бабушки у тетки в Кульсеево. Очень дружил с Колей мой двоюродный брат Юра Зуев, который тоже приезжал в гости из Вологды. Мать Юры, моя тетка, Зуева Зоя Александровна работала тогда в облисполкоме на хорошем посту. Юра был человеком одаренным, талантливым и стал

знаменитым вологодским футболистом, поэтому все парни его уважали. Они часто сидели с Колей у костра на обрыве Сыпной горы. Ах, какая там красота, я описывать не берусь! И о чем только не разговаривали! Мы с братом, Сашей Чертовиковым, исполняли их поручения: я по части принести еду (огурцы, картошку хлеб), Саша по другой части. Юра хорошо пел. Когда услышат, что он поет, прибегают из всех деревень ребята. Юра помогал многим. Однажды по приезде он снял с себя длинный новый шарф и надел его на Колю.

Если говорить о личности и душе Рубцова, никак нельзя обойти молчанием тот факт, что корни его семьи находятся к северо-востоку от Вологды, за Кадниковым, где никогда не было крепостного права и помещиков, а жило вольное крестьянство, с особой, очень высокой культурой и с особой душой. Постыдным было пьянство, сквернословие и безделие. Почитались умения, трудолюбие, таланты.

Мой дед, Быков Александр Михайлович, не расставался с книжкой. Никогда не повышал голоса и не ругался. Поэтому Коле было хорошо у нас и среди нас. Он был в ладу сам с собой и в гармонии с природой. Когда сейчас читаю его стихи, я плачу и радуюсь тому, что моя душа его душе созвучна. Знаю, на какой холм взбегал и плакал он — на тот же самый, где плачу сейчас я.

Очень большую роль сыграло наше Биряковское землячество в Вологде в том, что общество узнало поэта Николая Рубцова. Он приехал в Вологду с намерением обосноваться и жить в городе. Его поддержали сразу несколько человек. Прежде всего Николай и Генриетта Бурмагины — известные в то время художники-графики. (Коля Бурмагин погиб в автотрагедии в 1974 году). Николай Бурмагин был сразу очарован и покорен поэзией Рубцова. Я помню, как он ходил по комнате, читал и говорил: «Да ты только послушай, какие слова, какие мысли, да он же классик!» В устах грамотного, советского человека это была высшая похвала.

Виктор Коротаев (он из Биряковского рода, из деревни Липовица) учился в ВГПИ; Витя редактировал книгу Руб-

цова «Подорожники» (1976 г.), а сам он был поэт. Оформлял эту книгу молодой череповецкий график Владислав Сергеев, друг Николая Бурмагина — в память о нем.

В то время был уже известным поэтом Александр Романов, он закончил Биряковскую среднюю школу, учился в одном классе с моей сестрой. Коля Бурмагин был родом тоже из Бирякова, деревня Журегино. Помогал Рубцову и Сергей Викулов (парень из города Белозерска Вологодской обл.), в дальнейшем главный редактор журнала «Современник». В этой же компании был и журналист Сушинов, который часто печатал стихи Рубцова в газете «Вологодский комсомолец». Все они были около Рубцова, гордились им, помогали ему прежде всего зарабатывать на жизнь — организовывали ему выступления на радио, публикации в газетах, встречи с читателями, поездки на поэтические встречи и форумы, чаще всего в Карелию. Они очень хлопотали о том, чтобы Коля получил жилье.

Все эти люди часто собирались в доме моей тетки, Трапезниковой Александры Михайловны. Коля Бурмагин был ей зятем. Дом был уютный, хлебосольный, а я обычно помогала тете Шуре. Собирались большой компанией очень разные люди: художники, поэты, журналисты, критики, студенты. Говорили о разном. Кто-то читал стихи, чаще всего Н. Рубцов, Коля был скромн, молчалив, не контактен, себя он ценил невысоко. Я подавала и убирала, а он молча приходил и уходил.

Я тогда не слушала, о чем они говорили, только обрывки. Была студенткой. Своя жизнь, свои хлопоты. Коля Бурмагин, узнав о гибели Коли, очень плакал.

Рядом с Колей Рубцовым в Вологде была когорта замечательных, творческих людей, первое поколение настоящих, советских интеллигентов, поднявшихся до известных высот из крестьян. Когда в 1967 году вышла книга «Звезда полей», это была общая радость и общая победа...»

Такие важные сведения мы получили от Дины Павловны Киселевой! Весной 2010 года в своем письме-исповеди Дина Павловна открыла нам новые страницы биографии поэта Николая Рубцова.

Учащемся лесотехнического техникума Коле Рубцову, по дороге из Тотьмы в Вологду и из Вологды в Тотьму, как мы теперь представляем, часто приходилось ночевать на родине отца и матери. Дорога длинная, за одни сутки не обернешься. А тут и друзья объявились: первый друг — Юрка Зубев. Добрый, талантливый много знает, родом из Череповца.

О неожиданной встрече в 1954 г. в Тотьме с Рубцовым, в «матросской рубашке поверх тельняшки», поведал в своей книге «За Вологдой, во мгле. Повествование о жизни Николая Рубцова» его друг, писатель Сергей Багров. В то время Сергей продолжал учебу в Лесном техникуме, а Николай уже 11 месяцев отработал на рыболовецком траулере на Северном флоте и учился в Кировском техникуме.

А в воспоминаниях жительницы с. Бирякова Грибовой В. В., напечатанных в буклете краеведческого музея «Биряково — родина предков поэта Н. М. Рубцова», говорится: «Это было летом 1957–1958 года. У нас появился незнакомый парень, он был в темных брюках в легкой куртке-ковбойке, из открытого ворота выглядывала морская тельняшка, смотрелся он менее ухоженным, чем другие ребята, с собой у него был баян, он стал играть и петь. Брат сказал, что это Колька Рубцов с Самылкова, он поет свои песни»...

«Трудно сказать, каким ветром его занесло сюда? Хотел ли он специально посмотреть на родину своих родителей, или же, зная о ней, он попал сюда чисто случайно, волей судьбы. Мы можем только предположить, что, проезжая в свою Николу, он не однажды останавливался в своем родовом доме, в котором уже была расположена автостанция», — пишет в буклете заведующая Биряковской сельской библиотекой Т. Н. Линькова.

Детский дом в селе Никольском, который в 1943 г. приютил семилетнего Колю Рубцова, и школа, которую он закончил в 1950 г., дорогие его сердцу воспитатели и учителя, друзья — все добрые детские впечатления и чувства он отразил в своем творчестве. И после окончания школы, с 1950 г. до 1969 г., Николай Рубцов приезжал в Николу.

Николай Рубцов, десять лет не имевший сведений о родственниках, летом 1952 года узнал о родине своих предков, когда разыскал тетю Соню в Вологде и сестру Галю в Череповце и они рассказали ему, что родились и приехали в Вологду из Самылкова и что находится оно всего в 50 верстах от села Никольского.

Дом родителей Николая Рубцова, купленный А. П. Верещагиным у М.А. Рубцова, в 1929 году из деревни Самылкова был перевезён в село Биряково. С тех пор дом переходил от одного хозяина к другому. Но сохранился до сегодняшнего дня!

20 апреля 1963 г. в день Византийской иконы Божией Матери (732 г.) здесь, в селе Никольском, родилась дочь Леночка, а летом и осенью 1964 года поэт создал здесь более 50 стихотворений, ставших шедеврами русской поэзии.

«...Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас...» — так написал 22 августа 1964 г. Николай Рубцов Александру Яшину о своих творческих радостях.

«...Пишу Вам из села Никольского. Это в старинном Тотемском районе Вологодской области. Вы, наверное, бывали и здесь, в этих красивых и грустных местах?

Здесь великолепные (или мне только кажется) холмы по обе стороны неширокой реки Толшмы, деревни на холмах (виды деревень), леса, небеса. У реки, вернее, над рекой, сразу у въезда в Николу (так здесь коротко называют село), под березами — разрушенная церковь. Тоже великолепная развалина! В этой местности когда-то я закончил семь классов (здесь для души моей родина), здесь мне нравится, и я провожу здесь уже второе лето»¹.

Тамара Николаевна Линькова в своём письме в московский музей Н. М. Рубцова спрашивает: «В 1957 или в 1958 году был в отпуске Н. Рубцов, служивший в Североморске (с 1955 по 1959 годы) на эсминце «Острый»?»

¹ Н. Рубцов. Собр. Соч.: в 3 т. Т. 3. — С. 313.

В нашем музее хранятся архивные материалы о прохождении службы старшего матроса Рубцова Николая Михайловича, собранные по поручению бывшего Начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерала армии Ю. Н. Балувеского, родиной отца которого является Тотемский район.

Изучив эти материалы, мы узнали, что из 300 моряков, служивших на эсминце «Остром», всего несколько человек было отправлено в отпуск за хорошие показатели на учениях. Среди них был и матрос Н. Рубцов. Отбыл он с корабля 21 апреля 1958 года на 51 сутки (до 14 июня). Подписал увольнение в отпуск командир в/ч 62656 капитан второго ранга Морозов К. Ф.

Из нашей беседы в музее Н. М. Рубцова с адмиралом флота И. М. Капитанцем, бывшим командиром эсминца «Острый», стало известно, что на отпуск матросу Рубцову выдали содержание. По приказу он мог проводить отпуск в морской форме или в штатской одежде, как описала его бириковская жительница В. В. Грибова.

Приведём воспоминания адмирала флота Ивана Матвеевича Капитанца из его книги «На службе океанскому флоту. 1946–1992. Записки командующего двумя флотами». Книга посвящается советским морякам — участникам «холодной войны» 1946–1991 гг.

Бывший командир эсминца «Острый» так описывает события, предшествовавшие отпуску матроса Н. Рубцова:

«...В марте 1958 г. меня перевели на плавающий корабль, эсминец «Острый» 121-й брэм, которым я командовал до осени 1961 г...

Эм «Острый» был кораблём первой линии, поэтому пришлось много выходить в море для решения одиночных и совместных задач в составе бригады...

На корабле в это время проходил срочную службу вологжанин Николай Рубцов — будущий поэт России...

...В апреле 1958 г. бригада проводила тактическое учение, главными элементами которого были совместные артилле-

рийские и торпедные и минные постановки, а также оказание помощи аварийному кораблю и его буксировка в базу. Учение проводилось в условиях применения обычного и ядерного оружия с выполнением боевых стрельб... четыре эсминца снялись с якоря и пошли в губу Окольная и губу Оленья, где каждый принял полный магазин боевых мин (52) и 10 практических. Все нормативы были выдержаны, и мины поставлены. Всё это происходило в тёмное время суток. В дальнейшем разыгрывался морской бой с охранением конвоя, с выполнением совместных артиллерийских стрельб по щиту парами эсминцев. Всё завершилось торпедной атакой с выпуском 10 торпед по силам обозначения конвоя. В это время Северная Норвегия превращалась в плацдарм НАТО»¹.

А вот что говорится в книге о морской службе осенью 1958 года: «...20 сентября 1958 года эсминцы «Острый» и «Отменный» были подняты по боевой тревоге контр-адмиралом Бакарджиевым: «В течение 48 часов пополнить запасы, проверить всё оружие и технические средства, особенно машинно-котельную установку, и быть готовыми к длительному плаванию. Конкретная задача будет поставлена по прибытии». Нам, командирам, сообщили, что идём на Новую Землю для обеспечения испытаний атомного оружия. В середине ноября мы закончили обеспечение и убыли в Североморск. Как потом узнали, за это время было проведено 15 атомных воздушных взрывов, из них один мегатонный»².

УТРО НА МОРЕ

*Как хорошо! Ты посмотри!
В ущелье белый пар клубится,
На крыльях несят свет зари*

¹ Капитанец И. На службе океанскому Флоту. 1946–1992. Записки командующего двумя флотами. — М., Изд. «Андреевский флаг», 2000. — С. 106, 107.

² Капитанец И. На службе океанскому Флоту. 1946–1992 Записки командующего двумя флотами. — М., Изд. «Андреевский флаг», 2000. — С. 109.

*Перелетающие птицы.
Соединясь в живой узор,
Бежит по морю рябь от ветра,
Калейдоскопом брызг и света
Сверкает моря горизонт.
Вчера там солнце утонуло,
Сегодня выплыло — и вдруг,
Гляди, нам снова протянуло
Лучи, как сотни добрых рук...*

УЧЕБНАЯ АТАКА

*...От имени жизни, идущей в зенит
Расцветает, — в заветное завтра,
Это же сила мира гремит
В наших учебных залах.
Сила, способная дать отпор
Врагам, что к безумству близки!..*

ДОЛГ

*Холодный шум ночного океана.
Незримые дороги кораблей...
Я вижу земляничную поляну.
Над той поляной — крики журавлей.
Родимый край мой!
В грёзах или в росах,
В туманах ночи и в сиянье дня,
И в пору жатвы, и на сенокосах
Ты с детства завораживал меня...
...И там, где сила духа на пределе,
Где шторм встает преградой
Кораблю,
Я должен, должен доказать на деле,
Что сердцем всем я Родину
Люблю.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Где движет шторм
разбойных волн отряды,
Любовь к земле
горит у нас в крови...*

ВСПОМНИЛОСЬ МОРЕ

*...Скоро из отпуска я
Снова уеду на флот.
Я расскажу, как у нас
Дружным звеном из ворот
С радостью в утренний час
В поле выходит народ.
Я в чистоте берегу
Гордое званье «матрос»,
Я разлюбить не смогу
Край, где родился и рос...
С детства мне дорог такой
Родины светлый покой.*

Эти стихи, написанные во время службы на Северном флоте и опубликованные во флотских изданиях, перекликаются со строчками классических произведений поэта.

Тема мира и защиты Родины становится исторически и духовно осмысленной темой творчества Николая Рубцова. Журнал «Юность» (№ 6, 1966 г.) публикует вариант стихотворения «Русский огонек» с такими строками, которые имеют вневременное значение для русского человека и России:

*Огромный мир
По-прежнему не тих.
Они грозят.
Мы сдерживаем их...*

В газете «Сокольская правда», Сокол, Вологодской обл., от 21 июля 1966 г. эти строки становятся эпиграфом стихот-

ворения «Русский огонек», созданного студентом Литературного института осенью 1963 г.

Как много духовных сил впитывал Николай Рубцов, пребывая на малой родине — родине предков, и как творчески воплотил уже в 1960–1963 гг. свою любовь к Родине Руси-России (после четырех лет труднейшей службы на флоте!) в ставших классическими произведениях «Видения на холме», 1964 г. (варианты «Звёзды» — 1960 г., «Видения в долине» — 1962 г.) и «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», 1963 г.!

*...Россия, Русь! — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!..*

Очень пронзительно написал о духовной сущности рубцовской поэзии поэт Александр Романов, соединенный корнями своих предков с родиной предков Николая Рубцова: «Сама природа русского духа давно нуждалась в появлении именно такого поэта, чтобы связать полувековой трагический разрыв отечественной поэзии вновь с христианским мироощущением. И жребий этот пал на Николая Рубцова и зажегся в нем свет величавого распева и молитвенной исповеди»¹.

То, с каким глубоким почтением Николай Рубцов относился к истории Святой Руси, Отчому дому и, соответственно, к истории своих православных предков, — подтверждают строки его произведений, которые осуществляют живую связь с нами и с его верой в созидательное будущее России:

¹ *Воспоминания о Николае Рубцове. — Вологда, 1994. — С. 376.*

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны
Неведомый сын удивительных вольных племён!..
Я буду скакать по следам миновавших времен...
О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!..*

*Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...
Отчизна и воля — останься, моё божество!*

*Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..*

А вот такими строками завершил Николай Рубцов стихотворение «Утро»¹:

*Я славлю жизнь, Россию и над ней
Гигантский веер солнечных лучей!*

В высказывании Ф. А. Абрамова о северянах, православных христианах, мы находим объяснение неразрывной духовной связи со Святой Русью — преемницей Византии: «...выходцы из Киевской Руси, которая пала под ударами татаро-монголов...Они принесли сюда всю исконную русскую культуру, идущую от самых истоков. Но мало того, что они принесли, — они обогатили эту культуру новыми качествами. Они эту исконную русскую культуру помножили на особые условия Севера, они, так сказать, выработали тип культуры, тип человека, личности, которая была порождена особыми суровыми условиями Севера и которая была необходима человеку, чтобы выжить в этих условиях...»².

¹ *Вариант стихотворения из рукописи «Звезда полей» (архив Московского музея Н. М. Рубцова).*

² В. Бараков. *Отчизна и воля. Книга о поэзии Николая Рубцова.* — Вологда, Книжное наследие, 2005. — С. 6.

холмов, течет по приходу река Стрелица. По обоим берегам ее зеленеют сенокосные луга прихожан и членов местного причта. С двух сторон — южной и северной — синеют леса, идущие широкими полосами по горизонту, а там в лесу за рекой Сухоной, далеко-далеко, за несколько десятков верст виднеются белые точки. Это приходские церкви: Чаловская, Совдюжская и другие. С западной стороны, как будто на воздухе, высятся вдали Мольская, Троицкая и Святогорская церкви, занимая едва ли не самые высокие места в южной части Тотемского уезда!...»

*С моста идёт дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит бывлая Русь.*

*Бывлая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшим впереди!*

*Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И всё ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.*

*Всё так же весело и властно
Здесь парни ладят стремена,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...*

¹ Спас на Стрелице. — Вологда. Книжное наследие, 2003. — С. 42.